

ЖЕНЩИНА И ЕЕ ОБЛИГАЦИИ

Казалось, для своего друга Гарри Ханта мистер Фуллертон Ф. Колвелл, один из партнеров знаменитого биржевого дома Wilson & Graves, сделал все, что было под силу столь влиятельному и притом великодушному человеку.

Он возглавлял десяток компаний — тех неопытных дебютантов, что ему удалось «вытащить» из финансовой ямы и поставить на ноги. Для своих партнеров он был гарантом их безоблачного будущего, и даже рядовые секретари в его офисе признавали, что мистер Колвелл — «самый трудолюбивый человек» (а такое признание лестно для тех, кто понимает, что вся его прибыль и слава зависят как раз от усердия бумагомарателей низшего звена).

Правда, не исключено, что клерков, трудившихся на потогонной фабрике финансового счастья Wilson & Graves, подкупали и безупречные манеры мистера Колвелла.

Ведь он не ленился осведомиться о том объеме работы, который ежедневно обрушивался на каждого подчиненного, и тем самым тонко намекал на то, что трудолюбие — залог успеха. Конечно, мистера Колвелла делала популярным и его специфическая профессиональная обязанность — именно он поднимал размер заработной платы, а следовательно, был самым уважаемым начальником.

Его партнеры, пожалуй, не вызывали у подчиненных столь же приятных эмоций. Джон Дж. Уилсон славился своей расточительностью. Он без конца мотался из одной здравницы в другую, швыряя миллионы на ветер в стараниях обогнать смерть. Скупердяй Джордж Б. Грейвз страдал диспепсией и к тому же отличался нервным и раздражительным нравом. Впрочем, надо признать, что именно на его плечи легла вся грязная работа в то время, когда Уилсон основывал фирму. Фредерик Р. Дентон день-деньской пропадал в зале фондовой биржи. Помимо исполнения разного рода приказов и ведения активов, с которыми фирма имела дело, он по долгу службы и, возможно, по душевной склонности вызнал вещи, касаемые

Wilson & Graves и вовсе не предназначавшиеся для его ушей.

Лишь Фуллертон Ф. Колвелл был вездесущ — царил и на бирже, и в офисе. Манипулировал акциями Wilson & Graves, контролировал львиную долю различных пулов, сформированных клиентами фирмы, держал руку на пульсе управления различными корпорациями. Ежедневно он вел переговоры с дюжиной людей — с «большими парнями», готовыми проверить несколько биржевых сделок.

И этот весьма влиятельный человек, чье время стоило тысячи долларов, а ум и податно миллионы, занялся распутыванием связей своего беспечного друга, который не утруждал себя подсчетом долгов. Как всегда, он блестяще справился с этим нелегким делом, а в финале даже отказался от полагавшегося ему вознаграждения. Когда все претензии были урегулированы, оказалось, что имущество бедного Гарри Ханта не только освобождено от долгов, но и составляет 38 тысяч долларов наличными. Они были вложены в трастовую компанию Trolleyman's в интересах миссис Хант с годовой ставкой в 2,5 процента. Вдобавок к наличности

безутешная вдова получила необремененный долгами дом, который Гарри отдал ей еще при жизни.

Вскоре после урегулирования имущественных споров миссис Хант зашла к нему в офис. День выдался нелегким. Враз в чаще биржевого заповедника проснулись все «медведи», и с полоборота озверели. Alabama Coal & Iron — лакомый кусочек Wilson & Graves — попал под обстрел как со стороны Long Tom Сэма Шарпа, так и трейдерской компании Mazims. Все, что Колвелл мог сделать, — это проконсультировать Дентона, который находился на передовой, по мере сил «поддерживать» акции Ala. C. & I., чтобы внушить врагу неуверенность в себе, но не скупать при этом все находящиеся в биржевом обороте акции компании. В ту пору он оттачивал особую технику финансовой спекуляции, состоящую в том, чтобы покупать в момент, когда ваш тугой денежный мешок расцарапан когтями «медведей», и монеты так и сыпятся наружу. Любая информация, малейший нюанс были тогда на вес золота, а каждые полдюйма телеграфной ленты для профессионала по накалу драматизма не уступали шедеврам мировой

драматургии. Не заметить сейчас хотя бы один из печатных знаков было бы непростительной беспечностью.

— Доброе утро, мистер Колвелл.

Его пальцы, пропускавшие ленту, на секунду замерли. Он повернулся быстро, почти нерешительно. В пору напряженной биржевой схватки отвлечься на женский голос было совсем некстати и даже слегка неприятно.

— А, миссис Хант, доброе утро, — произнес он в высшей степени вежливо. — Очень рад вас видеть. Как вы поживаете?

Он пожал протянутую руку и с великими почестями усадил нежданную гостью в огромное кресло. Его манеры подкупали даже бесцеремонных воротил Уолл-стрит, чьим вниманием можно было завладеть лишь отточенными речами биржевого корифея.

— Смею надеяться, что у вас все прекрасно, миссис Хант. Ведь это так, не правда ли?

— Да-а, — с сомнением в голосе промямлила она. — Насколько это возможно с того времени, как...

— Увы, лишь время, дорогая миссис Хант, смягчит нашу потерю. Но вы должны стать

очень сильной. Не сомневаюсь, что сам Гарри пожелал бы этого.

— Да, я знаю, — вздохнула она. — Конечно, сейчас мне нужно быть сильной.

В офисе воцарилось тягостное молчание. Всем своим видом Колвелл выражал почтительное сочувствие.

«Тикки-тикки-тикки-тик», — напомнил о себе телеграф.

Что эти звуки означали для профессионала? Что сулили скупые телеграфные трели в переводе на доллары и центы? Возможно, «медведи» бросились на штурм Alabama Coal & Iron и завязали жестокий бой? А может, доверенный помощник Колвелла, Фред Дентон, дал врагу отпор? Решалась ли судьба биржевой игры в эти минуты? На словно высеченном из гранита лице мистера Фуллертона Ф. Колвелла предательски дрогнул мускул. Однако, мгновенно овладев собой и даже будто извиняясь за то, что посмел отвлечься на биржевые котировки в ее присутствии, он прочувствованно произнес:

— Вы не имеете права постоянно думать о своих проблемах, миссис Хант. Вы знаете, как я относился к Гарри. Думаю, мне не нуж-

но напоминать вам, как я рад был сделать для него хоть что-нибудь. И для вас, миссис Хант, также.

«Тикки-тикки-тикки-тик», — вмешался в этот великолепный монолог биржевой информатор.

Будто пытаюсь заткнуть своим красноречием говорливый аппарат, он с ходу продолжил:

— Поверьте мне, миссис Хант, я буду рад быть вам полезным.

— Вы так добры, мистер Колвелл, — пробормотала вдова.

Сделав длинную паузу, она продолжила:

— Я пришла поговорить насчет тех денег.

— Вот как?

— В трастовой компании мне сказали, что если я оставляю их на постоянном счете, то буду получать ежемесячно 79 долларов.

— Давайте взглянем. Да, именно на такую сумму вы можете рассчитывать.

— Что ж, мистер Колвелл. Прожить на эти деньги немислимо. Школа Уилли стоит 50 долларов, а Эдит постоянно нужны платья, — не спеша, объяснила она.

Всем своим кротким видом гостья намекала на то, что дело, увы, не только в ее прихотях. Да разве стала бы она сейчас говорить об этом, беспокоиться о себе?! Но дети...

— Понимаете, Гарри постоянно им потакал. А они так быстро разбаловались. Конечно, слава богу, у нас есть дом. Но налоги просто бесчеловечны! Может, есть какой-то способ инвестирования денег, чтобы они приносили больше?

— Я мог бы купить для вас облигации. Но для меня главное — ваша безопасность, сударыня. Поэтому вкладывать деньги стоит лишь в гарантированные ценные бумаги. Они обеспечат вам 3,5 процента прибыли. Посмотрим, сколько в результате выйдет... Все верно, 110 долларов в месяц.

— А Гарри тратил по 10 тысяч в год, — пробормотала она с нескрываемой ностальгией.

— Гарри всегда был э-э-э... весьма экстравагантным.

— Это ведь прекрасно, что он наслаждался жизнью, — беззаботно парировала она. И после многозначительной паузы добавила: — Но,

мистер Колвелл, если я устану от облигаций, смогу ли я в любой момент получить деньги обратно?

— Уверен, вы всегда сможете изъять свои деньги, продав облигации немного дороже или чуть дешевле, чем купили.

— Но продавать их дешевле, чем они были куплены, не лучшая идея, — произнесла она с видом прожженного дельца. — Какой тогда в этом смысл?

— Вы, безусловно, правы, миссис Хант, — сказал он ободряюще. — Ведь это не было бы прибыльно, не так ли?

«Тикки-тикки-тикки-тик», — затараторил биржевой информатор. Он не умолкал ни на секунду. Можно было вообразить, о каких страстях повествовала телеграфная лента!

А Колвелл не мог взглянуть на нее вот уже пять минут.

— А способны ли вы, мистер Колвелл, купить для меня то, что при продаже (коли я на нее решусь!) стоило бы больше, чем при покупке?

— Никто не сможет гарантировать вам этого, миссис Хант.

— Я не в восторге от идеи потерять то малое, что я имею! — горячо воскликнула она.

— Об этом просто не идет речь! Если вы дадите мне чек на 35 тысяч долларов, оставив три из них трастовой компании на случай форс-мажора, я куплю вам облигации. Не сомневаюсь, они имеют все шансы вырасти в цене через несколько месяцев.

«Тикки-тикки-тикки-тик», — вновь прервал высокопарную ругаду телеграф.

В этих привычных звуках Колвеллу почудилось что-то зловещее. Однако, собрав волю в кулак, он продолжил:

— Но вы должны прямо сказать мне, что решились, миссис Хант. Видите ли, биржа — совсем не благотворительное учреждение. Ей нет дела ни до чего, даже ваш пол не имеет здесь особого значения.

— Милостивый государь, я что же, должна сегодня забрать деньги из банка и принести их вам?

— Меня вполне устроит чек.

Его пальцы автоматически отстучали по столу какой-то нервный мотив. Заметив это, Колвелл пресек случайный жест нетерпения.

— Отлично. Вы получите его сегодня же. Полагаю, вы очень заняты, так что не буду вас задерживать. Но ведь вы купите для меня хорошие, недорогие облигации?

— Конечно, миссис Хант.

— И опасность потерять их исключена, не так ли, мистер Колвелл?

— Безусловно. Я даже купил несколько для миссис Колвелл. Разумеется, я не собираюсь идти ни на малейший риск. Вам не стоит беспокоиться.

— Это так любезно с вашей стороны, мистер Колвелл. Не могу даже выразить словами свою благодарность. Я... я...

— Лучший способ отблагодарить меня — просто не упоминать об этом, миссис Хант. Я попробую заработать для вас немного денег, чтобы вы хотя бы удвоили доход от транспортной компании.

— Огромное вам спасибо. Я ни минуты в вас не сомневалась. Конечно, ведь вы прекрасно осведомлены о таких вещах. Просто я много слышала о том, как люди теряют деньги на Уолл-стрит, и чуть было не испугалась.

— С хорошими облигациями этого не случится, миссис Хант.

— Всего доброго, мистер Колвелл.

— Удачи вам, миссис Хант. И помните: как только я вам понадобится, немедленно дайте об этом знать.

— О, большое спасибо, мистер Колвелл. Премного вам благодарна.

И миссис Хант действительно выслала ему чек на 35 тысяч долларов. Колвелл незамедлительно приобрел 100 пятипроцентных золотых облигаций компании Manhattan Electric Light, Heat & Power Company. Они обошлись ему в 96 тысяч.

«Эти облигации, — писал он ей, — имеют прекрасные шансы подняться в цене. Когда ставки вырастут, я продам часть из них, оставив другую в качестве инвестиций. Хотя всякая биржевая операция имеет спекулятивный характер, я уверен в безопасности этих вложений. Мы увеличим ваш первоначальный капитал, а затем все активы вновь вложим в те же облигации — пятипроцентные Manhattan Electric. Конечно, настолько, насколько позволят ваши средства. Надеюсь, что за полгода ваш доход увеличится вдвое по

сравнению с тем, что вы получали от трастовой компании».

Следующим утром он вновь обнаружил ее в офисе.

— Здравствуйте, миссис Хант. Полагаю, у вас все в порядке.

— Доброе утро, мистер Колвелл. Понимаю, что ужасно вам досаждаю, однако...

— Нисколько, миссис Хант.

— Вы так добры. Видите ли, я толком не разобралась с этими облигациями. Вы ведь сможете немного прояснить ситуацию, да? Я такая невежда в финансах... — немного кокетливо заключила она.

— Полно на себя наговаривать, миссис Хант. Но давайте разберемся: вы передали мне 35 тысяч.

— Верно. — По голосу чувствовалось, что эта сумма как живая возникла на ее мысленном экране.

— Великолепно. Так вот, я открыл для вас счет. Наша компания предоставила вам кредит. Благодаря этому я заказал для вас 100 облигаций по тысяче долларов каждая. И заплатил за них 96 тысяч.

— Ох, никак не могу понять, мистер Колвелл. Говорю же вам, — в ее голосе вновь заиграли жеманные нотки, — я такая глупая!

— Это всего лишь означает, что за каждую облигацию ценой в тысячу долларов мы заплатили 960. Так и возникла эта цифра — 96 тысяч.

— Однако вначале у меня было лишь 35 тысяч, — не уступала она в своем твердолобстве. — Вы же не хотите сказать, что я так много заработала...

— Пока нет, миссис Хант. Разумеется, вы вложили 35 тысяч. Именно таков был ваш взнос. Наша компания, в свою очередь, внесла за вас еще 61 тысячу и взяла ваши облигации в качестве гарантии. Мы должны вам 35, а вы нам — 61 тысячу долларов и...

— Постойте... Прошу вас, мистер Колвелл, не смейтесь над несчастной неразумной вдовой. Но как же в самом деле я могу не думать о том, что вся эта история похожа на тысячи других, что происходят с бедными людьми, о которых я читаю в газетах. Они закладывают свои дома и другое имущество. А однажды в их дверь стучится агент по недвижимости и выгоняет их на улицу —

бедняжки остаются ни с чем! Моя подруга, миссис Стилвелл таким образом потеряла свой дом! — с жаром закончила она свою обличительную речь.

— На самом деле ваш, случай совсем другой. Просто с помощью залога вы сможете получить большую прибыль, чем если бы покупали облигации без кредитного плеча. Залог защищает вашего брокера от падения цены купленного имущества. Вы должны нам 61 тысячу долларов просто теоретически, на бумаге. Облигации оформлены на ваше имя, и стоят они 96 тысяч. Поэтому, если вы захотите рассчитаться с нами, все будет проще простого. Вам необходимо лишь дать нам указание продать облигации и вернуть деньги, которые мы вложили. Так вы получите вложенную вами сумму, иными словами, — свой первоначальный вклад.

— Однако я не понимаю, с какой стати я должна занимать у фирмы? — заупрямилась его собеседница. — Разумеется, я уверена, что могу не беспокоиться по поводу долга вам. Ведь вы никогда не воспользовались бы моим невежеством в финансовых делах... Но я ни разу не встречалась ни с мистером

Уилсоном, ни с мистером Грейвзом. Я даже в глаза их не видела!

— Но вы же знаете меня, — отвечал Колвелл с ангельским терпением.

— О мистер Колвелл, — молвила она, и в ее голосе зазвучали обнадеживающие интонации. — О нет, я не боюсь быть обманутой, разве ж в этом дело... Я лишь стараюсь не иметь обязательств по отношению к кому-либо. Тем более по отношению к незнакомым мне людям. Хотя, конечно, если вы говорите, что все в порядке... то я спокойна.

— Дорогая миссис Хант! Поверьте, не стоит волноваться по этому поводу. Мы купили облигации за 96. Но я ожидаю, что их цена вырастет до 110. Тогда вы сможете продать три пятых из них за 66 тысяч долларов. Затем вернуть нам 61 и оставить 5 на непредвиденный случай в сберегательном банке под 4 процента. Более того, у вас сохранится еще 40 облигаций, которые обеспечат вам 2 тысячи долларов в год.

— Это было бы просто чудесно. И они стоят сейчас 96?

— Именно так. И кстати, — вы всегда можете найти цену в газетах в разделе «Облигации».

Ищите Man. Elec. 5s. — И он указал ей нужное место.

— Огромное спасибо. Мне так жаль, что я отвлекла вас от дел...

— Отнюдь, миссис Хант. Я всегда рад быть вам хоть чуточку полезным.

Будучи разрываемым на части неотложными финансовыми делами, мистер Колвелл посвящал далеко не все свое свободное время отслеживанию колебаний цен пятипроцентных облигаций Manhattan Electric Light, Heat & Power Company. Впрочем, он мог не волноваться по этому поводу — факты малейших изменений доносила до него миссис Хант. Она вновь почтила Колвелла визитом всего через несколько дней после их первой встречи. И не надо было быть опытным физиономистом, чтобы прочесть гамму чувств, полыхавших на ее лице. Дама пребывала в смятении. Однако видно было, что эта мужественная женщина нашла в себе силы прийти и даже способна пойти навстречу бессовестному финансовому воротиле и выслушать неуместные извинения.

— Доброе утро, мистер Колвелл.

— Как поживаете, миссис Хант? Надеюсь, хорошо.

— О, я в полном порядке. То же самое я хотела бы сказать и о состоянии моих финансов.

Эту глубокомысленную фразу она почерпнула из финансовых сводок, которые взяла себе за правило ежедневно прочитывать от корки до корки.

— Что-то случилось?

— Они теперь на отметке 95, — сказала она с легким укором.

— Кто — они? — спросил он удивленно. — Умоляю вас, миссис Хант!

— Облигации. Я видела во вчерашней газете.

Мистер Колвелл улыбнулся. Подобное легкомыслие покорило даже эту героическую женщину.

— Пусть это вас не волнует, миссис Хант. Облигации в порядке. Рынок играет в свои игры, вот и все.

— Друг мой, — произнесла она с расстановкой, словно бы желая придать весу своим словам, — кое-кто, разбирающийся в делах

Уолл-стрит, сказал мне вчера, что для меня это означает потерю тысячи долларов!

— В определенном смысле так оно и есть. Вернее, так было бы, если бы вы пожелали срочно продать свои облигации. Но поскольку вы не собираетесь этого делать до тех пор, пока они не обеспечат вам серьезную прибыль, беспокоиться не о чем. Умоляю, не тревожьтесь из-за этого. Когда придет время продавать ваши облигации, я дам об этом знать. Не стоит волноваться, если цена падает на один-два пункта. Вы надежно защищены. Даже если бы вокруг них возникла паника, не было бы причин распродавать все — независимо от того, как низко упадет цена. Сударыня, вам просто не стоит тратить на эти страхи свое драгоценное время.

— О мистер Колвелл, огромное спасибо. Всю ночь я не могла сомкнуть глаз. Но я знала...

Вошел секретарь с сертификатами акций и тактично остановился в дверях. Подпись мистера Колвелла требовалась сию же минуту. В то же время он не решался прервать приватный разговор. Его спасло только то, что миссис Хант все же встала и произнесла:

— Что ж, не буду отнимать у вас больше времени. Всего доброго, мистер Колвелл. И еще раз огромное спасибо.

— Не за что, миссис Хант. Всего хорошего. Запаситесь терпением, и вам удастся хорошо заработать на этих облигациях.

— Теперь, когда я во всем разобралась, я буду терпелива. Поверьте мне. И я так надеюсь, что ваше предсказание сбудется. Прощайте, мистер Колвелл.

Между тем, как назло, облигации продолжали свое позорное падение. Являвшийся дилером этих бумаг синдикат Wilson & Graves, был не в силах противостоять этому процессу. На беду, в дело вмешался анонимный друг миссис Хант, муж ее кузины Эмили, который работал в одном банке и, конечно, не знал всех деталей сделки. С делами, творящимися на Уолл-стрит, он был знаком в основном понаслышке, что не помешало ему посеять семена тревоги и бессонницы в душе своей дальней родственницы. Этот доброхот почел своим долгом отслеживать падение цен вышеозначенных облигаций и вносить по-сильную лепту сомнений при каждом удобном

случае. Его зловещие намеки, скорбное выражение лица, тревожное покачивание головы и многозначительные фразы заставили затрепетать сердце миссис Хант. Медленно, но верно он готовил ее к самому худшему. Проведя три дня в ужасной агонии, миссис Хант направила свои стопы в офис Колвелла. Она была бледна, а на лице застыл отпечаток невероятных страданий. В груди мистера Колвелла кольнуло недоброе предчувствие. Но манеры не изменили ему в эту трудную минуту. Он вежливо поздоровался с неожиданной гостьей.

Она горестно кивнула и произнесла лишь одно слово: Облигации!

— Да? Что с ними?

— Б-б-бумаги! — простонала страдальца.

— Но что вы имеете в виду, миссис Хант?

Она в отчаянии рухнула в кресло. С трудом найдя в себе силы, она воскликнула:

— Это во всех газетах! Я думала, что Herald ошибаются. Поэтому купила Tribune, Times и Sun. Но нет! Во всех — одно и то же. 93! — трагически пояснила она.

— Неужели? — с мягкой улыбкой спросил Колвелл.

Однако улыбка ничуть ее не успокоила. Даже наоборот — возмутила. В миссис Хант проснулись былые подозрения. От человека, ответственного за ее бессонницу, она не ожидала такого равнодушия!

— Разве это не означает потери трех тысяч долларов? — Ее голос предательски дрогнул. В облике посетительницы читался немой укор. «Опровергни, если сможешь», — будто говорила она. Да, муж ее кузины поработал на славу.

— Нет. Потому что вы не собираетесь продавать свои облигации за 93 доллара, ведь так? Вы продадите их за 110 или больше.

— Однако если бы я решила продать их сейчас, то потеряла бы 3 тысячи? — с вызовом спросила она. И сама поспешила ответить: — Безусловно, потеряла бы, мистер Колвелл. Даже для меня это очевидно.

— Вы, несомненно, потеряли бы, миссис Хант, но...

— Я знала, что права! — возликовала его собеседница.

— Но вы не собираетесь продавать облигации.

— Конечно, я не хочу этого. Я просто не могу позволить себе потерять даже меньшую сумму, не то что 3 тысячи долларов. Но я не вижу: как я могу предотвратить их утрату?! А ведь меня с самого начала предупреждали... — Последняя фраза окончательно убедила ее в правильности своих подозрений. — Ах, мне не следовало всем рисковать! — причитая, миссис Хант немного отклонилась от темы, заодно припомнив все другие беды, обрушившиеся на нее в течение жизни.

Однако ее пламенная речь в защиту всего справедливого и законного на земле произвела впечатление на Колвелла. От неожиданности он даже утратил на секунду свои профессиональные навыки и опрометчиво предложил:

— Вы можете получить свои деньги обратно, миссис Хант. Конечно, если вы захотите. Эта сделка причиняет вам слишком большое беспокойство.

— О, дело вовсе не в моем душевном спокойствии. Но как бы я хотела, чтобы всего этого не было! Я не могу не думать о том, что деньги в трастовой компании Trolleyman's были в безопасности, хотя и не приносили мне больших прибылей. Конечно, если вы хотите,

чтобы я оставила их здесь, — произнесла она с расстановкой, будто давая ему время опровергнуть эти великодушные слова, — я сделаю так, как вы скажете.

— Моя дорогая миссис Хант, — вежливость Колвелла вновь вернулась к своему хозяину, — моим единственным побуждением было лишь желание порадовать вас и помочь вам. Покупая облигации, следует запастись терпением. Минуют месяцы, прежде чем вы сможете продать их с прибылью, даже если за это время цена будет иногда падать. Никто не может предсказать вам, как будут разворачиваться события на бирже. Впрочем, для вас не должно быть никакой разницы в том, вырастут облигации или упадут до 90 или даже 85, что, однако, маловероятно.

— Да как вы можете так говорить, мистер Колвелл?! Если облигации упадут до 90, я потеряю 6 тысяч долларов. Да-да, мой друг объяснил мне, что я теряю тысячу на каждом пункте падения. А при 85 это составит, — она судорожно подсчитала на пальцах, — 11 тысяч долларов!

И она воззрилась на финансиста с гневом и укоризной:

— Да как у вас язык поворачивается говорить мне, что нет никакой разницы, мистер Колвелл?

Будь неизвестный друг миссис Хант, поведавший ей так мало и притом предостаточно, где-нибудь поблизости, мистер Колвелл с удовольствием его придушил бы. Охватившее бешенство не помешало ему, впрочем, спокойно произнести:

— Мне казалось, что я все вам уже разъяснил. Падение облигаций на десять пунктов может навредить разве что спекулянту, нацеленному на недельную сделку. Хотя и такой поворот событий маловероятен. Но это ни в коей мере не может затронуть вас. Ведь даже если облигации резко упадут в цене, вы не обязаны их продавать. Разумеется, вы придержите их до тех пор, пока они снова не вырастут. Позвольте, для наглядности я приведу такой пример. Предположим, что ваш дом стоит 10 тысяч долларов...

— Гарри заплатил за него 32 тысячи, — не удержалась миссис Хант. Впрочем, недюжинный ум подсказал ей, что этот факт несущественен. Она мило улыбнулась, как бы извиняясь на свой поспешный выпад. В конце

концов, Колвелл и сам должен был знать реальную стоимость недвижимости.

— Отлично, — поддакнул Колвелл, не теряя самообладания, — скажем, 32 тысячи долларов. Это вполне соответствует ценам на дома в вашем квартале. Предположим, что из-за какого-то происшествия или по любой другой причине вашим соседям не удастся продать свой дом больше, чем за 25 тысяч долларов. И трое из них все же продают свои жилища по заниженной цене. Но вам-то не обязательно этого делать. Вы ведь понимаете, что в конечном счете со временем вы сможете найти множество людей, готовых заплатить за ваш дом 50 тысяч. Вы не станете продавать дом за 25, и поэтому вам нет смысла волноваться. Так стоит ли переживать теперь, можно сказать, в аналогичном случае? — радостно заключил он.

— Нет, — будто прозрев, отвечала миссис Хант, — мне действительно не о чем тревожиться. Впрочем, — сомнения вновь закрались к ней в душу, — мне было бы спокойнее иметь деньги вместо облигаций. — И, словно объясняя и без того уже очевидную мысль, прибавила: — Из-за них мои ночи превратились в ад.

Надежда на досрочное освобождение от общества миссис Хант окрылила Колвелла.

— Ваше желание будет исполнено, — тотчас отозвался он. — Почему же вы не сказали мне об этом раньше, если это причиняло вам столько хлопот?

И финансист немедленно вызвал клерка.

— Выпишите чек на 35 тысяч долларов на имя миссис Роуз Хант, — распорядился Колвелл. — И перепишите 100 пятипроцентных облигаций Manhattan Electric Light на мой личный счет.

Передавая ей чек, он с теплотой в голосе произнес:

— Вот ваши деньги, миссис Хант. Мне очень жаль, что я невольно стал причиной вашего беспокойства. Но все хорошо, что хорошо кончается. Всегда буду рад вам помочь. Пожалуйста, не благодарите меня, не стоит. И всего вам доброго.

Он не сказал ей, что, переводя на себя ее счет, вынужден был заплатить 96 тысяч долларов за облигации, которые в открытом рынке можно было купить лишь за 93 тысячи. Колвелл был самым любезным человеком на Уолл-стрит и, кроме того, много лет знал Ханта.

Через неделю пятипроцентные облигации Manhattan Electric Light вновь продавались по 96 тысяч долларов. Миссис Хант не замедлила переступить порог Wilson & Graves. Ее очередной визит пришелся на обеденное время. Видимо, все утро она готовила себя к встрече с Колвеллом. Они поприветствовали друг друга как обычно: она — чуть смущенно, он — вежливо и с добротой.

— Мистер Колвелл, у вас есть еще те облигации, не так ли?

— Да, но зачем это вам?

— Я... я хотела бы забрать их обратно.

— Конечно, миссис Хант. Сейчас узнаю, сколько есть в продаже.

Он тут же озадачил клерка вопросом расценок пятипроцентных облигаций Manhattan Electric Light. Наведя нужные справки, тот выяснил, что бумаги можно купить за 96,5, о чем и доложил мистеру Колвеллу. Последний незамедлительно порадовал миссис Хант, добавив при этом:

— Вот видите: они практически на том же месте, где и были, когда вы покупали их в первый раз.

На лицо дамы легло облачко сомнения:

— А... а разве вы покупали их у меня не за 93? По этой цене я и хотела бы их выкупить.

— Нет, миссис Хант, — уверил ее Колвелл, — я покупал их по 96.

— Но цена на них была 93! — упорствовала она. И в подтверждение своих слов заявила: — Разве вы не помните, это было во всех газетах?!

— Да, но я вернул вам сумму, которую получил от вас. И перевел облигации на свой счет. В наших книгах они зафиксированы, как стоившие мне 96.

— Но вы могли бы уступить их мне за 93, — настаивала она.

— Мне очень жаль, миссис Хант. Для этого нет никакой возможности. Если вы будете покупать их сейчас на открытом рынке, то окажетесь в том же положении, как и до того, как их продали. Но вы сможете неплохо заработать, поскольку в данный момент они идут вверх. Позвольте мне купить их для вас за 96,5.

— Вы имеете в виду за 93? — спросила она с понимающей улыбкой.

— По той цене, которую за них просят продавцы, — терпеливо поправил ее он.

— Ах, зачем вы позволили мне продать их, мистер Колвелл? — с легкой досадой на попустительство Колвелла спросила она.

— Но, моя дорогая мадам, если вы купите их сейчас, то ничего не потеряете. Наоборот, это даже лучше, чем если бы вы продолжали держать первоначальную долю.

— Хорошо. Но я не понимаю: почему я должна платить 96,5 за те облигации, которые в прошлый вторник продала за 93? Если бы это были другие облигации, — пояснила она, — я бы так не беспокоилась.

— Дорогая миссис Хант! Уверяю вас, нет никакой разницы, какие облигации вы держите. Они все выросли в цене: и ваши, и мои, и чьи-то другие. Ваша доля — ровно такая же, как и все прочие. Ведь это очевидно, не так ли?

— Д-да, но...

— Отлично. В таком случае вы находитесь в том же положении, в котором были, если бы ничего не покупали. У вас нет потерь, потому что вы получили свои деньги назад в целости и сохранности.

— Я хочу купить их, — голосом уверенного в себе человека, которого не обманут

красивые речи, сказала его посетительница — за 93!

— Миссис Хант! Я бы с радостью купил их для вас по такой цене. Но в продаже нет ни одной облигации дешевле, чем за 96,5.

— Боже, зачем я заставила вас продать мои облигации?! — с надрывом воскликнула она.

— Вы слишком волновались из-за того, что они упали в цене, и...

— Да, но я ничего не смыслю в бизнесе. И вы это знали, мистер Колвелл! — осуждающе припечатала финансиста клиентка Wilson & Graves.

Он по-доброму улыбнулся ей в свойственной ему манере.

— Купить вам облигации? — спросил он.

Он был осведомлен о планах своей компании. И был уверен в том, что облигации пойдут в рост. Колвелл подумал, что миссис Хант даже смогла бы поучаствовать в распределении прибыли. В душе ему было жаль ее.

— Да, — будто уловив его мысли, отвечала вдова его друга, — за 93.

Она не сомневалась в своей правоте. Да и как было можно думать иначе, если еще

несколько дней назад цена облигаций равнялась 93?! Мыслимо ли было выкладывать за них сегодня 96,5?

— Мистер Колвелл, даю 93 или ничего.

Как истинная женщина, она доверяла своей интуиции и чувствовала, что торг здесь уместен. Напряженная схватка и собственная дерзость почти лишили ее сил. Но в таких вопросах надо было проявить выдержку. Всем своим видом она показывала, что принципиально не пойдет на уступки.

— Тогда, боюсь, все закончится ничем.

— Э-э-э, всего доброго, мистер Колвелл, — обескураженно промямлила она, едва не заплавав.

— Всего доброго, миссис Хант.

Секундой позже он уже с головой ушел в решение рабочих проблем. Впрочем, напоследок все же сказал своей посетительнице:

— Если вдруг измените свое мнение, я буду рад...

— Я не дала бы вам больше 93, и не изменю своего решения даже через тысячу лет. — Она выжидающе посмотрела на него, проверяя, не раскаивается ли он в том, что заставил ее поволноваться. А затем послала

ему одну из тех улыбок, к которым женщины прибегают как к последнему средству. Она будто говорила: «Конечно, я знаю, что ты все равно это сделаешь. Так стоит ли это обсуждать? Мой вопрос — всего лишь формальность. Я уповаю на твое великодушие, и мне нечего опасаться».

Но Колвелл только вежливо откланялся.

Цена на пятипроцентные облигации Man. Etes. L. H. & P. росла на бирже неприличными темпами. Снедаемая противоречивыми чувствами, пылая гневом и одновременно пребывая в печали, миссис Хант обсудила этот вопрос с кузиной Эмили и ее мужем. Родственники проявили редкую заинтересованность в делах безутешной вдовы. В ходе долгих совместных размышлений дамы склонились к довольно странным выводам, к которым даже супруг Эмили отнесся с известным недоверием. Однако кузины уверили друг друга в том, что со стороны мистера Колвелла было бы как минимум щедрым позволить вдове его бывшего друга купить облигации за 93. Более того, он будет просто обязан позволить ей купить их за 96,5. Когда эта нетривиальная идея вызрела в их умах,

миссис Хант поняла, что ей следует делать. Чем больше она размышляла, тем сильнее разгорался в ней огонь справедливости. И вот одним прекрасным утром она вновь явилась к другу и душеприказчику своего умершего мужа.

С ее лица любой скульптор почел бы за счастье вылепить маску попорченной добродетели. Прекрасные черты миссис Хант ясно отражали тот факт, что ее лучшие чувства были растоптаны ногами тирана, а священные и неотъемлемые права попорчены. Но час расплаты пробил!

— Доброе утро, мистер Колвелл. Я здесь, чтобы выяснить, что вы можете предложить мне по моим облигациям?

По ее голосу чувствовалось, что женщина готова вынести все испытания, уготованные судьбой, отразить яростное сопротивление или, по крайней мере, услышать нелицеприятные вещи в свой адрес.

— Доброе утро, миссис Хант. А что вы, собственно, имеете в виду?

Его показное безразличие заставило ее внутренне собраться. Итак, он сменил тактику и вместо угроз изобразил любезность!

— Думаю, вы должны знать, мистер Колвелл, — многозначительно ответствовала вдова.

— Что ж, на самом деле я не знаю. Насколько я помню, в прошлый раз вы проигнорировали мой совет. Я рекомендовал вам не продавать облигации, а позже — выкупить их обратно.

— Да, но по 96,5! — воскликнула она яростно.

— Конечно, и если бы вы поступили так, то на сегодня имели бы прибыль более 7 тысяч долларов.

— И чья вина в том, что я так не сделала?

Она ждала ответа. Не получив такового, миссис Хант продолжила:

— Но не волнуйтесь, я решила принять ваше предложение. — Эти интонации должны были подсказать ему, что он-таки припер несчастную женщину к стенке! — Я возьму эти облигации. — И добавила с придыханием: — Хотя на самом деле они должны были стоить мне 93.

— Но, миссис Хант, — возразил Колвелл с безграничным удивлением, — вы не можете этого сделать! Вы не купили их, когда я это

предлагал. А теперь я не в состоянии приобрести их для вас за 96,5... Вы должны это понимать.

Предыдущим вечером вместе с кузиной Эмили они проиграли дюжину воображаемых вариантов беседы с мистером Колвеллом — различного градуса и остроты. И хотя такого поворота событий в действительности они не ожидали, несчастная вдова не потеряла присутствия духа. Благодаря тщательной проработке различных сценариев рокового диалога миссис Хант поняла, как ей следует поступить. И она показала Колвеллу, что знает свои моральные и юридические права и готова сопротивляться любой попытке их игнорировать. Голосом, спокойным настолько, что он усовестил бы даже отъявленного негодяя, она сказала:

— Мистер Колвелл, ответьте на один вопрос.

— На тысячу вопросов, миссис Хант. И с удовольствием.

— Нет-нет. Только на один! Вы сохранили облигации, которые я покупала или нет?

— А какая, собственно, разница, миссис Хант?

Он избежал ответа!

— Только «да» или «нет» — пожалуйста. Вы сохранили их?

— Да, сохранил. Но...

— И кому принадлежат эти облигации по праву? — Она была бледна, но решительна.

— Мне, разумеется.

— Вам, мистер Колвелл? — улыбнулась она. В этой умной улыбке читались тысячи чувств, не было в ней лишь радости.

— Да, миссис Хант, мне.

— И вы собираетесь их себе оставить?

— Безусловно.

— Даже если я заплачу 96,5, вы не отдадите их мне?

— Миссис Хант, — с теплотой в голосе, но без всякого упрека произнес Колвелл, — когда я выкупил их у вас за 96, на бумаге это означало для меня потерю в 3 тысячи долларов.

Она улыбнулась с сожалением — сожалением оттого, что он находил ее такой безнадежно глупой.

— Когда вы захотели, чтобы я продал вам их обратно по 93, цена облигаций поднялась уже до 96,5. Поступи я так, для меня это был

бы уже не бумажный, а реальный убыток в 3 тысячи долларов.

Она снова улыбнулась — но в этой улыбке уже не было былого понимания: к сожалению примешивалось нарастающее негодование.

— В память о Гарри я согласился принять на себя первоначальные убытки. Просто чтобы вы не волновались. Но я не вижу причины, почему я должен делать вам подарок в 3 тысячи долларов, — произнес он очень тихо.

— Я никогда не просила вас этого делать, — с досадой возразила она.

— Если бы вы потеряли деньги по моей вине — все было бы иначе. Но ваш первоначальный капитал остался при вас в целости и сохранности. Вы ни в чем не прогадали бы, если бы выкупили облигации обратно практически по той же цене. А теперь вы приходите ко мне и просите продать их за 96,5? Однако сейчас на рынке они стоят 104. Видимо, вы считаете, что я должен так поступить, поскольку виноват в том, что вы не воспользовались моим советом?

— Мистер Колвелл, вы злоупотребляете моим положением, чтобы нападать на меня! А Гарри так вам доверял! Но позвольте мне

сказать: я не дам вам возможности поступать так, как вы хотите. Без сомнений, вас устроит, если я пойду домой и забуду о том, как вы со мной обошлись. Однако я собираюсь проконсультироваться с юристом и убедиться, может ли друг моего мужа позволять себе такие вещи! Вы совершили ошибку, мистер Колвелл!

— Да, мадам. Я действительно ее совершил. И чтобы я смог оградить себя от просчетов в будущем, окажите мне услугу: пожалуйста, никогда больше не появляйтесь в этом офисе. Да, и непременно проконсультируйтесь с юристом. Всего доброго, мадам, — сказал самый вежливый человек на Уолл-стрит.

— Посмотрим... — Это все, что произнесла миссис Хант, покидая комнату.

Колвелл нервно расхаживал по офису. Он редко позволял себе терять самообладание. Теперешнее состояние совсем ему не нравилось. Внезапно прожужжал биржевой информатор. Финансист взглянул на него рассеянно и почти с досадой. «Пятипроцентные облигации Ман. Елес. — 106,5», — прочитал он на телеграфной ленте.